

МЕТОДЫ В СОЦИОЛОГИИ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 316.4; 316.77

Обобщенное доверие: концептуализация и измерение^{*}

Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко, Ю. В. Ушакова

Тюменский государственный университет,
Российская Федерация, 625003, Тюмень, ул. Семакова, 10

Для цитирования: Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В. Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 464–486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>

Работа направлена на выявление взаимосвязи теоретической и эмпирической трактовок обобщенного, общего, межличностного, инкапсулированного и реципрокного видов доверия. Детерминантами и источниками противоречий обобщенного доверия являются современные политические и экономические институты, что вызывает различные дисбалансы в обобщенном доверии и сопряжено с общественным богатством. Представлены эмпирические данные анализа концепта обобщенного доверия на материалах Всемирного ценностного опроса и авторских исследований по Тюменскому региону. Эмпирические данные были сопряжены с концепциями уточнения различных трактовок доверия. Различия подходов обусловлены противоречиями, препятствующими эмпирически однозначному измерению, накоплению научных знаний, разграничению с другими близкими понятиями в социальных науках. Предлагаемый авторами подход может служить отправной точкой для будущих исследований, помогает отличать доверие и надежность от других тесно связанных концепций и систематизировать различные концепции доверия. Показаны возможности анализа «достаточного» доверия и доверия, основанного на здравом смысле. Обобщенное доверие, вычисляемое как готовность доверять незнакомым людям и рассчитывать на помощь со стороны своих друзей, служит значительно более устойчивой мерой, нежели просто ответы на стандартный вопрос о доверии. Рост обобщенного доверия позволяет повысить уровень социальной защищенности, но по-прежнему не находит устойчивого отражения в самооценках статуса. Устойчивость обратных связей между обобщенным доверием и социальным статусом на микроуровне формирует характер общества, де-

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00500-ОГН «Возможности и ограничения новой индустриализации и противоречия социокультурного пространства: на примере Тюменского региона».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

лая его в целом более надежным. Таким образом, косвенно можно выявлять прочность такого обратного взаимодействия на основе теста взаимосвязи обобщенного доверия с поправкой на нормы взаимности с возрастом, материально-имущественным и социальным статусом.

Ключевые слова: социокультурный, обобщенное, межличностное, инкапсулированное, реципрокное доверие, структурный анализ.

Введение

Обоснование актуальности. Сегодня в научных исследованиях социальное доверие определяется как катализатор реформ [1], разработка этой темы считается одним из способов преодоления синдрома кризиса доверия [2], основой объективного мониторинга управления общественной целостностью [3]. В российских реалиях актуальность темы обобщенного доверия и его модификаций обусловлена необходимостью в стратегической социально-политической стабильности [4] формирования гражданского общества [5]. Социологические исследования основаны на ключевом вопросе как элементе обследования (с небольшими вариациями): *Можете ли Вы вообще сказать, что большинству людей можно доверять, или же, когда имеешь дело с людьми, осторожность никогда не помешает?* [6; 7, 147; 5, 27]. Как правило, респонденты могли указать свой ответ по двухточечной шкале, отвечая «большинству людей можно доверять» или «вы не можете быть осторожными в отношениях с людьми». В настоящее время часто используются шкалы ответов с большим количеством градаций, которые позволяют респондентам давать более тонкие ответы [6, 16].

Современные исследования общественного доверия основаны на сопоставлении и реинтерпретации классических трактовок доверия. Еще Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер, Н. Луман и другие классики XX в. в результате появления современных для них обществ диагностировали исторический переход от парадигмы *личного доверия* к доверию *безличному и объективному* и показали, как именно в условиях промышленного развития произошел этот переход. Современный этап развития продолжает изучаться на богатом теоретическом материале, на эмпирических данных европейского и мирового мониторинга ценностей. В свою очередь, по некоторым ключевым вопросам доверия в России проводятся исследования, включая авторские, выводы по которым представлены в этой статье.

Одна из проблем изучения обобщенного доверия состоит в том, что существует расхождение в трактовке данного понятия в теоретических и эмпирических исследованиях. Другая проблема, сопряженная с иными его видами (инкапсулированным, личным, безличным), состоит в относительно слабой разработанности межуровневых связей обобщенного доверия, что порождает теоретическую путаницу.

Объектом исследования является доверие как некий абстрактный конструкт и как эмпирический феномен. Для эмпирического анализа привлекались базы данных европейского и мирового мониторинга ценностей, всероссийского исследовательского проекта «Социокультурные портреты регионов России», собственных эмпирических исследований. В качестве *предмета исследования* рассмотрены концептуальные основания для анализа обобщенного доверия в представляемых теоретических и эмпирических контекстах.

Целью статьи является анализ дискуссий о различных источниках и методиках измерения обобщенного доверия, выявление актуальных особенностей обобщенного доверия на примере регионов России.

Статья структурирована следующим образом. Вначале рассмотрен концепт обобщенного доверия. Затем охарактеризованы существующие оценки показателя обобщенного доверия и сопутствующие ему условия. В последнем разделе делаются соответствующие выводы, показаны нерешенные вопросы об обобщенном доверии и даны некоторые рекомендации для продолжения исследований.

Стандартный вопрос обобщенного доверия: теоретические и эмпирические подходы и решения

Использование в эмпирических исследованиях стандартного вопроса обобщенного доверия [7, 147] «Можете ли Вы вообще сказать, что большинству людей можно доверять, или же, когда имеешь дело с людьми, осторожность никогда не помешает?» имеет разнообразные методологические толкования в зависимости от авторской позиции. Одновременно продолжаются дискуссии об уровне его уязвимости и степени обоснованности ответов как индикаторов обобщенного доверия. Стандартный вопрос о доверии большинству создан на базе психологической методики «Вера в людей», разработанной М. Розенбергом, где предлагается оценить общее доверие к людям и человеческому сообществу [8]. В зависимости от поставленных задач и концептуальных представлений был создан целый спектр методических подходов к оценке различных видов доверия — от доверия к миру в целом до доверия к себе и другим людям [9]. Весьма популярен подход, основанный на концепте социальной категоризации Анри Тэджфела как части общей парадигмы — «теории социальной идентичности» [10]. Согласно этой теории, осознание группового членства реализуется посредством ряда сложных с психологической точки зрения действий: социальной категоризации (осмысления социального окружения как состоящего из различных групп), социальной идентификации (сделанного на основе сравнения выбора группы, в которую «помещает» себя индивид), наконец, социальной идентичности (полного осознания своей принадлежности выбранной группе). Социальная категоризация фиксирует момент общего доверия, посредством которого индивид может включаться в тот или иной компонент социального пространства, обосновывая, говоря словами Пауля Ван Ланге, «строительные блоки обобщенного доверия» [11, 75]. Теория «достаточного» уровня обобщенного доверия базируется на классических подходах, в которых обобщенное доверие вытекает из социального взаимодействия людей в социальных сетях, в семье и с близкими друзьями. Другие части обобщенного доверия исходят из повседневной вежливости и порядочности, с которыми люди могут часто сталкиваться в своих взаимодействиях с коллегами и незнакомыми людьми; возможно, что сюда пришивается и опыт [11, 75].

В социологии стандартный вопрос обобщенного доверия начал разрабатывать в 1948 г. Ноэль-Нойман «для измерения доверия в широком и незнакомом кругу других людей» [12, 787]. Вопрос имел достоинства простоты, низкого уровня непредставления ответов и теоретически правдоподобные характеристики индивидов [12]. Однако формулировка вопроса оставляет круг большинства людей не-

определенным. До дальнейших разъяснений стандартный вопрос обобщенного доверия принято рассматривать как меру доверия к «неуказанным другим» или просто «неуказанное доверие».

Детерминанты доверия к другим могут быть разнообразными по своему характеру. Э. Усланер [13; 14] предположил, что доверие — то, что он называет «моральным доверием», — мы возлагаем на людей, о которых у нас нет конкретной информации и о чьей индивидуальной репутации мы, следовательно, ничего не можем знать. Ментальным базисом для формирования такого доверия является общность моральных норм, точнее — признание доверия ценностью [14, 1]. Р. Хардин выдвинул концепцию «инкапсулированного доверия», которая стала популярной в рациональной теории доверия: мы доверяем человеку, потому что у нас есть основания ожидать, что у него есть интерес к действию в наших собственных интересах [15]. Содержание термина «инкапсулированное доверие» соотносится с герметизированным, помещенным в капсулу и изолированным от всех других доверием. Данная концепция получила свое продолжение в тематике «плотного» доверия, сохраняющего и продолжающего текущие отношения [15, 28]. Если речь идет о доверии людям, о которых ничего не известно, на помощь приходит опыт прошлых взаимодействий, обозначаемый как «стандартные экономические эффекты репутации» [16, 272]. В современном обществе, которое предполагает ежедневное взаимодействие с незнакомыми людьми, общее доверие считается более важным, чем конкретное доверие.

Итак, можно сформулировать два принципиально различных подхода: «моральное направление» и «экономическое направление». Доверие рассматривается как неотъемлемо гражданский феномен, который характеризует связанные, вовлеченные, терпимые, процветающие и демократические сообщества, является основой взаимности, социальной связанности, мирных коллективных действий, инклюзивности, терпимости, гендерного равенства, доверия к институтам и самой демократии [17; 18]. Важное значение обобщенное доверие имеет при изучении социального капитала, многие исследователи даже отождествляют понятия обобщенного доверия и социального капитала [19]. Несколько в стороне отстоит поведенческая экономика, в традициях которой индивидуальные различия могут быть использованы для изучения и прогнозирования доверительного поведения [20]. В частности, экспериментально проводятся различные диагностики, игры на доверие, что открывает возможности для построения математических моделей доверия.

Н. Луман представлял доверие как экзистенциальную основу большинства социальных явлений. Отправной точкой Н. Лумана было указание причины, по которой обществу необходимо доверие: не может быть общества без доверия, потому что «доверие — это основной факт общественной жизни» [21, 4]. Среди современных ученых нет разногласий в отношении того, что доверие выполняет социальную функцию, уменьшая сложность социальной жизни [21, 71], что объективный мир более сложен, чем любая система, и что системы должны уменьшать сложность, чтобы функционировать [21, 32]. Кроме того, реальность в целом слишком сложна для того, чтобы знать ее во всей полноте и контролировать инструментально. Поэтому с ростом сложности потребность в таких гарантиях, как доверие, возрастает [21, 13]. Следуя научной традиции Г. Зиммеля, Н. Луман развивал тематику обоб-

щенного (или безличного) доверия, сопряженного с возможными рисками и неопределенностью событий, как системно-теоретически ориентированного коммуникативного решения, направленного на снижение сложности общества [22]. В классических работах П. Штомки представлены моральный и функционалистский вклады в дискуссию о доверии, а также разработки обобщенного доверия и недоверия [23, 121]. Подобно Н. Луману, П. Штомпка акцентирует внимание на том, что доверие связано с неопределенностью событий, доверие — это вероятностная категория, т. е. ставка на то, как другие поведут себя в будущем [24].

Отметим работы российских ученых по изучению различных форм доверия. В. Н. Минина определила доверие как «свойство не столько субъекта взаимодействия, сколько коллективности (диад, групп, коллективов)» [25, 112], сделав акцент на доверии в организациях, где соединяются межличностные и институциональные методы анализа доверия, т. е. в единый комплекс объединяется социологическая и экономическая методология анализа доверия с точки зрения теории менеджмента [25, 123]. В работах И. В. Мерсияновой предложен метод измерения доверия «среди знакомых людей» [26], рассмотрена дифференциация субъектов РФ в контексте гражданского общества. Интересен расчет отдельных индексов доверия по различным наиболее типичным категориям граждан, анализ регуляторной роли доверия и недоверия в общественной жизни, доверия и недоверия как факторов формирования гражданского общества, особенностей культуры доверия и недоверия [5].

Концепт обобщенного доверия в эмпирических исследованиях подвергался различным теоретическим модификациям, в русскоязычной литературе часто используют термин «генерализованное доверие» [5, 441]. Согласно теории эмансипации обобщенного доверия Т. Ямагиши, люди доверяют другим в целом (*to trust other singeneral*), потому что это адаптивно или выгодно в определенном типе социальной среды. Однако это не обязательно означает, что люди сознательно используют высокий уровень доверия как средство достижения собственных интересов [7, 107]. Т. Ямагиши проверял теорию эмансипации доверия, анализируя результаты сравнительного анкетирования и экспериментирования жителей США и Японии. Результаты, как правило, поддерживали теорию [7, 108]. Справедливо, что те, кто благоразумен в ситуациях, в которых требуется осмотрительность, могут пользоваться высоким уровнем доверия в данном обществе и искать новые возможности за пределами зоны безопасности закрытых социальных отношений [7, 149].

Другая ключевая проблема обобщенного доверия: а кто такие эти «большинство людей»? В обзоре WVS идентифицировались «люди, которых вы знаете лично», и «люди, которых вы встречаете впервые». Независимо от того, где были собраны данные, люди обычно доверяют тем, кого они знают лично. Между разными обществами имеются существенные различия по признаку в склонности доверять людям, с которыми мы встречаемся впервые, такое доверие принято называть обобщенным. По мнению Т. Ямагиши, определение большинства людей варьируется сначала от респондента к респонденту и потом, что более важно, от культуры к культуре [7, 151]. Учитывая потенциальные проблемы, связанные с использованием стандартного вопроса о доверии для сравнения уровней обобщенного доверия между обществами, предложено использовать односторонний вопрос о доверии, который измеряет уровень доверия, или, что еще лучше, задавать дополнительный уточняющий личный вопрос.

Таким образом, накопилось достаточно вариаций и самых разнообразных методик по изучению доверия. Тем не менее в современной социологии именно стандартный вопрос обобщенного доверия приобрел широкую популярность [27]. Ответы фиксировались либо по двоичной шкале (GSS и WVS), либо по 11-балльной шкале Likert (ESS). Р. Вагер показал, что двухмерная шкала исследования доверия к незнакомым людям недостаточна для эмпирического изучения детерминант обобщенного доверия на микроуровне [6, 16]. Анализируя построение нескольких шкал для измерения доверия и недоверия, Omodei и McLennan обнаружили, что в основе этих элементов лежит одна «шкала доверия» [28].

По российским данным важно отметить проведенный Ю. Веселовым, М. Синютиной и Е. Капусткиной фундаментальный анализ морального доверия в обществе, включающий авторские ответы на моральные вопросы экономической деятельности [29]. Утверждалось, что в процессах трансформации доверия нет прямого способа перехода от небольших семейных сообществ к более крупным социальным единицам, и на основе этой гипотезы прозвучала критика концепта «радиуса доверия» Фукуямы. По нашему же мнению, данная критика недостаточно убедительна и, более того, современная научная мысль продолжает развивать концепт радиуса доверия, например, [7; 16], и в версии А. Ну [30]. Работа Ю. Веселова и А. Липатова важна, поскольку в ней произведена попытка развести понятия обобщенного доверия и доверия в организации, смыслы и значения которых принципиально различны [31]. Более того, как показал Т. Ямагиши, особенности уровней доверия выявляются не только между различными обществами на базе концепта обобщенного доверия, но и между различными секторами в рамках одного и того же общества [7]. Выявленный Ю. Веселовым и соавторами смысловой разрыв между «советским» и «постсоветским доверием» показал формирование различных типов доверия в России. Мы подтверждаем мнение авторов, что в России все более укореняется архаика, насаждаемая «сверху», укрепляющая ценности закрытых семейных сообществ, подразделяемых на «своих» и «чужих» [32].

В монографии Р. Инглхарта и соавторов на данных WVS и EVS было показано, что экономическое развитие обществ и стран связано с переходом от абсолютных норм и ценностей к ценностям, которые становятся все более рациональными, более терпимыми, более доверительными и основанными на широком участии и все повышающемся обобщенном доверии; принимается, что мировоззрение обществ детерминировано уровнем экзистенциальной безопасности [33]. Богатые общества становятся в целом более открытыми и толерантными, в них повышается уровень доверия, защищаются права меньшинств, и все это дает людям большую свободу выбора для собственных жизненных решений. Наша работа опирается на изложенные выше идеи.

Методика социокультурных портретов регионов России была разработана Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой [34], результаты многолетнего мониторинга обсуждались в ряде научных статей и монографий. В приложении приведены вопросы методики, которые мы привлекали для анализа. В методику, кроме стандартного вопроса о доверии, был включен вопрос «Есть ли у Вас друг или подруга, на чью помощь вы можете рассчитывать в трудную минуту?». Ниже мы попытались эмпирически протестировать такую пару. Наши выводы не дают полного решения проблемы, но демонстрируют возможное направление дальнейших поисков.

Гипотезы исследования

Гипотеза 1. Можно найти общие закономерности при измерении обобщенного доверия по двухмерной шкале (да/нет) и по более чувствительной шкале в 11 пунктов. Более того, переход на порядковую шкалу дает более широкие аналитические возможности. Феномен обобщенного доверия включен в процесс коммуникаций, поэтому при его эмпирическом измерении лучше учитывать нормы взаимности.

Гипотеза 2. Поскольку обобщенное доверие традиционно включают в понятие социального капитала, его рост должен способствовать росту других форм капитала, например, повышению таких субъективных показателей, как уровень защищенности, социального оптимизма, самооценки материального положения, здоровья, общей удовлетворенности жизнью.

Гипотеза 3. При учете взаимности норм доверия должна усилиться эмпирическая связь обобщенного доверия с основными социально-демографическими показателями: полом, возрастом респондента, уровнем его образования, типом поселения, социальным статусом.

Данные и методика их анализа

Задача работы — выделение и изучение структуры показателя, который принято называть обобщенным доверием или доверием к незнакомым людям.

Привлекались результаты массива данных WVS6 [18; 27; 33] социокультурного мониторинга (2016–2018 гг.) в Тюменской области [35], в целом по России [36].

Анализировались вопросы А, В и найдены структурные различия по различным социальным категориям методами многомерного анализа в SPSS (вопросы приведены в приложении к статье). Применяемые методы: индексный, кластерный анализ, дисперсионный анализ, деревья классификации (CHAID), корреляции по Спирмену. Индикатор, полученный по вопросу А на основе 11-балльной шкалы, мы называли обобщенным доверием. Проверка гипотез проведена в три этапа. На первом этапе при помощи кластерного анализа на всех четырех массивах данных было проведено сопоставление результатов исследований по двухточечной и 11-точечной шкалам на вопросе А (см. приложение). Показано, что результаты мирового, всероссийского и регионального мониторинга имеют в целом сопоставимую структуру. Была подтверждена слабая статистическая связь обобщенного доверия с различными социально-структурными переменными. На втором этапе в анализ был включен второй, уточняющий вопрос В и вычислен *индекс обобщенного доверия* — 2. Далее анализировались структурные различия на основе деревьев классификации методом CHAID по индексу обобщенного доверия — 2 на региональных массивах данных 2016 и 2018 гг. Количественные значения точек отсечения варьировались в различных вариантах классификации, но найденные тенденции оказались весьма устойчивыми.

Результаты

Если судить по данным WVS 6, уровень обобщенного доверия в России (28%), в Польше (22%) весьма близки к среднемировым 24% (табл. 1). Общества с самым высоким уровнем обобщенного доверия: Швеция (60%), Китай (60%). Однако что стоит за этими индексами, не всегда понятно.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос А. «Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что излишняя осторожность в отношениях с людьми не мешает?», % по столбцу, по данным WWSW 6 в некоторых странах (без учета не ответивших)

	Poland	Russia	Japan	United States	China	TOTAL
Большинству людей можно доверять	22	28	36	35	60	24
Даже и излишняя осторожность не мешает	76	66	57	64	35	74
Не знаю, нет ответа	2	6	7	1	5	2

Источники: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 25.05.2018).

Еще Х. Бьорнсков в своей статье [16] поставил вопрос о важности *фракционализации* (то есть разделения общества на группы в соответствии с социальным статусом и уровнем доходов) для создания доверия в обществе. Утверждалось, что детерминанты доверия можно разделить на две категории: доверие, включающее индивидуальные радиусы интересов граждан, и доверие, включающее социальную поляризацию. Было сделано теоретическое различие между факторами, влияющими на радиусы доверия физических лиц, индивидуальные радиусы доверия (термин Ф. Фукуямы), и социальной фракционализацией / социальными дистанциями в рамках национальных государств. По WVS 6 была показана слабая эластичность обобщенного доверия на микроуровне по основным социально-демографическим группам [16], но сделан прогноз, что последствия фракционализации могут быть сильнее в более крупных странах, где добавляются региональные различия. В работах А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсияновой [5, 36–57; 26] практически та же гипотеза была проверена в условиях России для индикатора обобщенного доверия, измеренного по вопросу А по двухточечной шкале. Например, был сделан вывод, что в России в целом к категории «доверяющих людям» относится 22% граждан (2011 г., всероссийская репрезентативная выборка, 2000 чел.) [5, 32–36]. «В распределении по доходу обнаружилось, что самые бедные... чаще склонны к мнению, что в отношениях с людьми следует быть осторожными. Среди остальных групп значимых различий не выявлено» [5, 36]. Авторы применили алгоритм SNAID по двухточечной шкале, и был сделан вывод, что «социально-экономические условия проживания, различная деловая культура и традиции являются значимыми факторами в распространении доверия к людям» [5, 36]. Однако мы не нашли статистических расчетов и подтверждения данным в указанной работе выводам. Более того, далее авторы заключили, что индекс доверия, который традиционно оценивается по ответу на вопрос «большинству людей можно доверять», усредняет различные виды доверия и не позволяет оценивать реальную картину состояния общества, особенно в такой большой и полиментальной стране, как Россия [5, 55]. Далее мы попытались проверить указанные выводы на актуальных региональных данных 2016, 2017 и 2018 гг.

В табл. 2 приведены пересчитанные нами проценты и средневзвешенное по шкале от 0 (наиболее осторожные) до 1 (наиболее склонные к доверию людям) по российским и региональным данным из 11-точечной шкалы в трехточечную.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос А «Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что излишняя осторожность в отношениях с людьми не мешает?», приведенное к двум вариантам % по столбцу «Социокультурный портрет Тюменской области»

	Россия*		Тюменская область**	
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Большинству людей можно доверять (от 0 до 0,4)	40	35	36	33
Середина шкалы (0,5)	18	21	19	25
Даже излишняя осторожность не мешает (от 0,6 до 1)	42	45	45	42
Итого	100	100	100	100
Средняя обобщенного доверия по шкале от 0 до 1	0,48	0,45	0,47	0,47
Среднеквадратическое отклонение	0,26	0,26	0,26	0,23
Объем выборки	1031	3570	1640	2028

* Данные в целом по России представлены Н.И.Лапиным и Л.А.Беляевой по итогам все-российского исследовательского проекта «Ценности и интересы россиян», волна 2015 г., выборка 1031 человек [35; 37].

** Авторские данные, Тюменская область.

Соответствующий индикатор принято называть обобщенным доверием, по данным Тюменской области, его уровень весьма устойчив в динамике. Жители Тюменской области (ТО) отвечали на вопрос А менее определенно, чем в среднем по России (табл. 2). Средний уровень обобщенного доверия в России равен 0,48, в ТО 0,45–0,47 при рассмотрении двухмерной шкалы, проявляется несколько меньший уровень поддержки склонности доверять незнакомым людям (40 % в среднем по России и 36–33 % в ТО) при более высоком уровне значений в середине шкалы.

Первый вопрос, на который мы попытались ответить, — к какому варианту по шкале «осторожные/склонные к доверию» следует отнести вариант 0,5, чтобы можно было сравнить результаты с итогами WVS 6. На базах данных 2016–2018 гг. были применены алгоритмы кластеризации (К-средними, иерархический кластерный анализ, целевая «обобщенное доверие»), наиболее статистически устойчивый результат был достигнут при варианте двух кластеров, промежуточные результаты отражены в табл. 3, рис. 1. При различных методах кластеризации результаты сохраняются. Данные сгруппированы в два кластера «склонных к доверию» с центром 0,7 и «недоверчивых» с центром 0,3. Условно можно сопоставить эти данные с двухмерной шкалой WVS 6.

Таблица 3. Описание промежуточных результатов кластеризации по вопросу А

Тюменская область	2016 год	2017 год	2018 год
1 кластер (склонные к осторожности)	65 %	63 %	61 %
2 кластер (склонные к доверию)	32 %	35 %	36 %
Пропущенные	3 %	2 %	1 %
Центры кластеров	0,3/0,7	0,3/0,7	0,3/0,7
F	3616,86	2641,55	3265,36
значимость	0,000	0,000	0,000

Таким образом, условно склонными к доверию будем считать всех респондентов, которые отметили варианты от 0 до 0,5, а условно осторожными будем считать всех респондентов, которые отметили варианты выше 0,5 до 1 (35–36 и 65–64 % жителей Тюменской области соответственно). Учитывая, что вопрос А имел 11 градаций, примем гипотезу, что полученные результаты в целом подобны данным WVS 6.

Индекс обобщенного доверия повышается с возрастом респондента и самооценками материально-имущественного статуса (рис. 2). Однако ниже будет показано, что такая связь статистически неустойчива.

Если мы понимаем обобщенное доверие как компонент социального капитала, соглашаясь с [37], то становится понятным механизм связи материально-имущественного статуса респондента и индекса обобщенного доверия. При условии, что накопление социального капитала подкрепляется другими видами капитала, в обществе наблюдается положительная обратная связь. Продолжающиеся отношения доверия порождают «норму обобщенной взаимности», которая влечет за собой общее ожидание отдачи, возвращается в будущем. Вознаграждения от прошлых взаимодействий будут способствовать расширению сетей сотрудничества, что, в свою очередь, способствует дальнейшему сотрудничеству, повышает отдачу от деятельности. Другими словами, обобщенное доверие, нормы взаимности и сети гражданского участия образуют «добродетельный круг». Более того, они формируют характер общества, делая его в целом более надежным. Таким образом, косвенно можно выявлять прочность такого «обратного взаимодействия» на основе теста эластичности обобщенного доверия с поправкой на нормы взаимности по материально-имущественному и социальному статусу. В идеале такая обратная связь должна быть сильной положительной.

Например, показатели для жителей различных типов поселений приведены в табл. 3. Отметим, что более молодые респонденты, наименее обеспеченные демонстрируют меньшую склонность доверять большинству людей. Тестирование обобщенного доверия по параметрам социального, материально-имущественного и иных видов статуса на основе дисперсионного анализа не подтвердило статистической устойчивости указанной выше связи.

На втором этапе мы приняли гипотезу о том, что люди, которые склонны к доверию, должны с большей вероятностью вступать в доверительные отношения

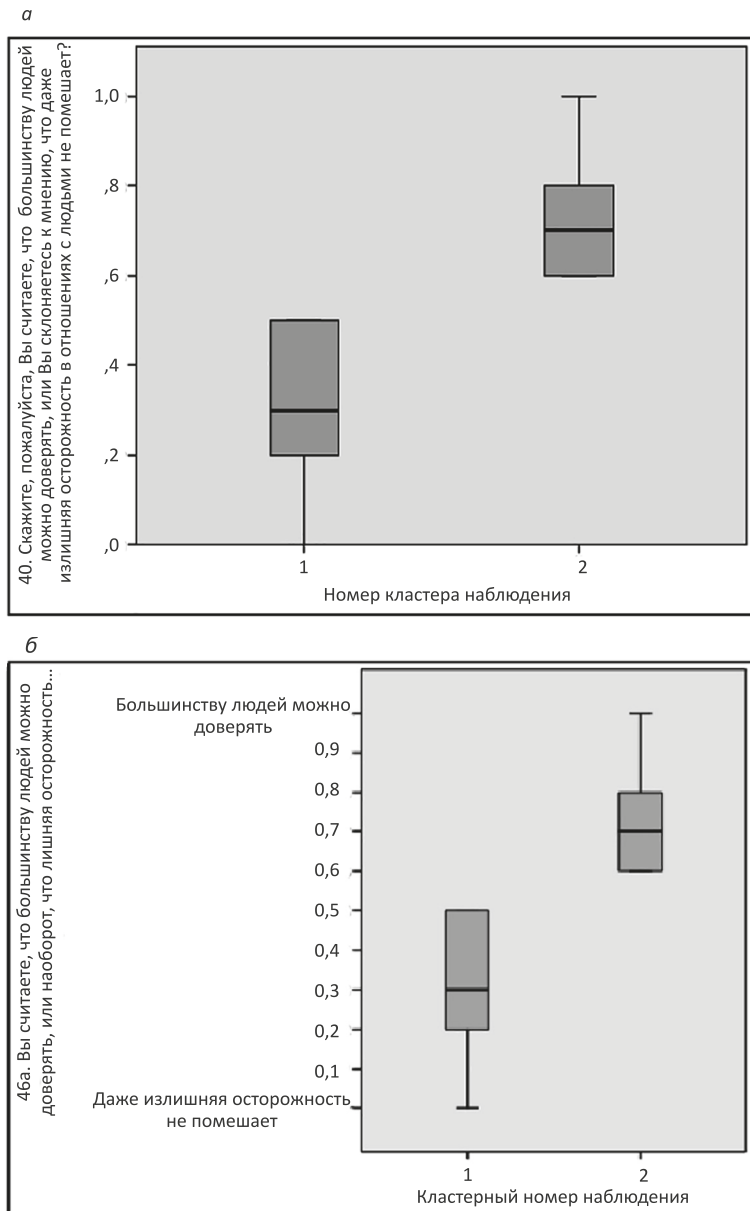

Рис. 1. Результаты кластерного анализа по данным 2016 г. (а), 2018 г. (б), Тюменская область

с другими людьми, но верно и обратное. В методику был включен вопрос «Есть ли у Вас друг или подруга, на чью помощь вы можете рассчитывать в трудную минуту?», варианты ответов даны по шкале: 0 — нет таких друзей, 0,33 — пожалуй, нет, 0,67 — пожалуй, да, 1 — да, есть такой друг/подруга. Полученный в результате усреднения двух вопросов индекс измерял обобщенное доверие с поправкой нормы взаимности (индекс обобщенного доверия — 2). Для вектора произведения

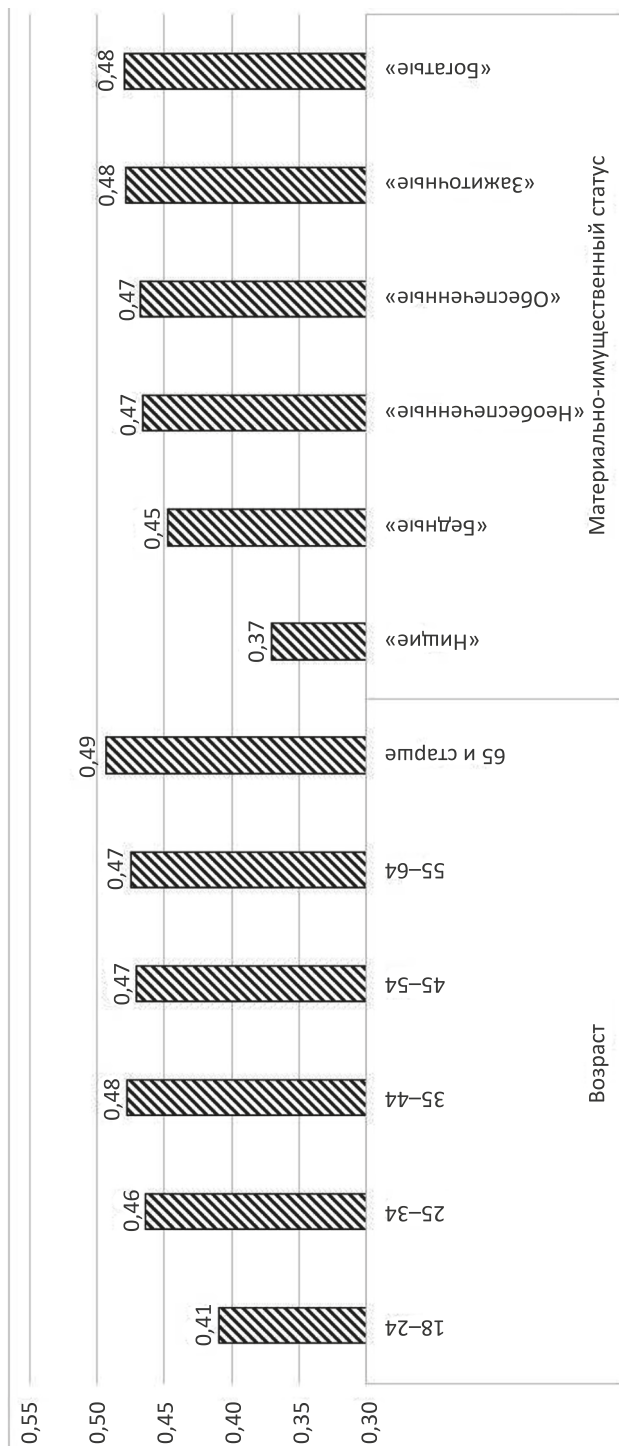

Рис. 2. Распределение обобщенного доверия по возрасту и материально-имущественному статусу, 2018 г., Тюменская область. Тест ANOVA при разделении на группы F (по возрасту) = 2,9, $p = 0,01$; F (по материально-имущественному статусу) = 2,1, $p = 0,05$

двух переменных значение 0 соответствует тем людям, у которых нет друзей, на чью помощь они могут рассчитывать в трудную минуту, и которые считают, что даже излишняя осторожность не помешает. Наоборот, склонные к доверию люди, отвечающие, что у них есть такой друг или подруга, будут размещаться на части отрезка ближе к 1. Поправка склонности к доверию на нормы взаимности немного снизила уровень обобщенного доверия. Если в среднем для Тюменской области уровень обобщенного доверия достигал 0,45 (0,47) в 2017 г. (2018 г.), то с поправкой на нормы взаимности индекс обобщенного доверия — 2 снизился до 0,38 (табл. 4). Поправка обобщенного доверия на нормы взаимности не изменила связь индекса с гендером, возрастом, образованием, самооценками состояния здоровья. Однако существенно выросла устойчивость связи индекса обобщенного доверия с типом поселения (табл. 4–5).

Таблица 4. Оценки средних для переменных измерения доверия и доверия с учетом норм взаимности, «Социокультурный портрет Тюменской области», 2016 г. (2018 г.)

Тип поселения	А. Обобщенное доверие	А*В. Обобщенное доверие с учетом нормы взаимности
В целом	0,45 (0,47)	0,38 (0,38)
деревня, село, поселок	0,47 (0,48)	0,36 (0,37)
поселок городского типа	0,45 (0,44)	0,37 (0,37)
малый город	0,43 (0,44)	0,37 (0,35)
средний город	0,45 (0,46)	0,40 (0,42)
крупный город	0,46 (0,46)	0,20 (0,28)
F	2,82 (3,81)	14,23 (35,16)
значимость p	0,02 (0,01)	0,000

Для индекса обобщенного доверия — 2 был получен статистически устойчивый результат, который на одном вопросе получить не удавалось. Люди, живущие в крупных городах, менее склонны доверять людям и рассчитывать на помощь друзей. Более того, полученные ниже результаты подтверждают вывод о противоречиях в возможности измерения социального капитала через «доверие к незнакомым людям». Естественно было бы предположить, что социальный капитал накапливается в крупных городах, однако доверие людям и готовность рассчитывать на помощь друзей снижается в крупном городе.

Далее была рассмотрена модель влияния на индекс обобщенного доверия — 2 различных уровней социальной структуры (гендера, возраста респондента, уровня его образования, типа поселения, социального статуса), а также таких показателей, как уровень защищенности, социальный оптимизм, самооценка материального положения, здоровье, общая удовлетворенность жизнью, всего 10 предикторов.

Для зависимой переменной индекс обобщенного доверия — 2 были построены деревья классификации методом CHID с перекрестной проверкой и отсечением

Таблица 5. Таблица корреляций коэффициентов модели (по Спирмену), данные 2018 г.

Ро Спирмена	Индекс обобщенного доверия — 2	Обобщенное доверие	Образование	Материальное положение	Социальный статус	Индекс социального оптимизма	Индекс защиты	Удовлетворенность жизнью	Пол	Тип поселения	Возраст
Индекс обобщенного доверия — 2	1										
A. Обобщенное доверие	,952**	1									
Образование			1								
Материальное положение	,146*	,034*	,113**	1							
Социальный статус			,210**	,190**	1						
Индекс социального оптимизма	,122**	,084**		,422**	,084**	1					
Индекс защищенности	,184*	,146**	-,041*	,182**		,379**	1				
Удовлетворенность жизнью	,047*	,048**	,051**	,341**	,105**	,564**	,294**	1			
Пол			-,059**	,071**	,126**	,080**	,047**	,035*	1		
Тип поселения	-,121*		,158**	,048**	,069**					1	
Возраст		,056**		-,091**		-,143**	-,072**	-,098**	-,059**		1
Самооценка состояния здоровья	,088**	,048**		,150**		,293**	,163**	,214**	,129**		-,288**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

Подавлены значения в ячейках, в которых ошибка коэффициента корреляции превышает уровень 0,05 (корреляция незначима), также подавлена верхняя часть симметричной матрицы корреляции.

узлов. Основной задачей этого метода является выделение узлов с гомогенными значениями зависимой переменной. Итоговое дерево имеет три уровня, 12 узлов. До отсечения в модель входила самооценка состояния здоровья, в итоговую модель в качестве предикторов вошли тип поселения, индекс защищенности, социальный статус, индекс социального оптимизма. Среднее значение *индекса* равно 0,2 со стандартным отклонением 0,28 для подвыборки респондентов, которые живут в крупных городах, узел 2. Наибольшее значение *индекса обобщенного доверия* — 2, равное 0,488, соответствует наиболее защищенным респондентам (индекс защищенности > 0,675) с наибольшим уровнем социального оптимизма (> 0,583), узел 11. Индекс *обобщенного доверия* — 2 снижается вместе с индексом защищенности, социального статуса и повышается в средних городах (рис. 3).

Для жителей сельской местности с невысоким или низким уровнем индекса защищенности значение индекса *обобщенного доверия* — 2 снижается до 0,267, узел 8. В случае если у этих людей более пяти подчиненных, индекс снова резко повышается (0,416, узел 7). Гендер, образование респондента на изменчивость индекса влияния не оказали. На эмпирическом уровне нами были подтверждены гипотезы 1, 2 и частично подтверждена гипотеза 3.

Проверка по индексу корреляции Спирмена подтвердила на всех массивах данных, что обобщенное доверие по обоим вариантам шкалы не дает статистически устойчивой связи с гендером, семейным положением, образованием, типом занятости, степенью оседлости, но связано с типом поселения, возрастом, материально-имущественным и социальным статусом (табл. 5). Иными словами, молодые, самые неимущие в среднем менее склонны доверять незнакомым людям, чем более старшее поколение или самые обеспеченные граждане. Однако для обобщенного доверия такие различия в среднем статистически значимыми не являются. Учтем при этом, что, как и всегда в российских исследованиях, самые старшие респонденты по самооценкам менее обеспечены, чем более молодые. Последнее означает, что совместное влияние возраста и материально-имущественного статуса имеет противоположную направленность, возможно, поэтому влияние этих двух параметров на обобщенное доверие прямое, но статистически незначимое. Также отметим повышение тесноты связи скорректированного индекса обобщенного доверия по сравнению с простым индексом с индексами социального оптимизма, защищенности, самооценками состояния здоровья (табл. 5). Склонность к более широкому радиусу доверия весьма четко связана с ощущением защищенности и социальным оптимизмом. Материально-имущественный статус при этом значимо коррелирует с индексом социального оптимизма, защищенности, уровнем образования, общей удовлетворенностью жизнью, самооценками состояния здоровья.

Выводы

Нами были проведены вычисления для обобщенного доверия и с поправкой на нормы взаимности. Во втором случае изложенные эффекты получали более высокую значимость, поскольку мы получили более «плотные» социальные связи. Обобщенное доверие с поправкой на возможность рассчитывать на помощь друзей оказывается ниже в малоресурсных группах, снижается в крупных городах. Данная проблема дискуссионна и требует более подробного содержательного анализа.

Индекс обобщенного доверия-2

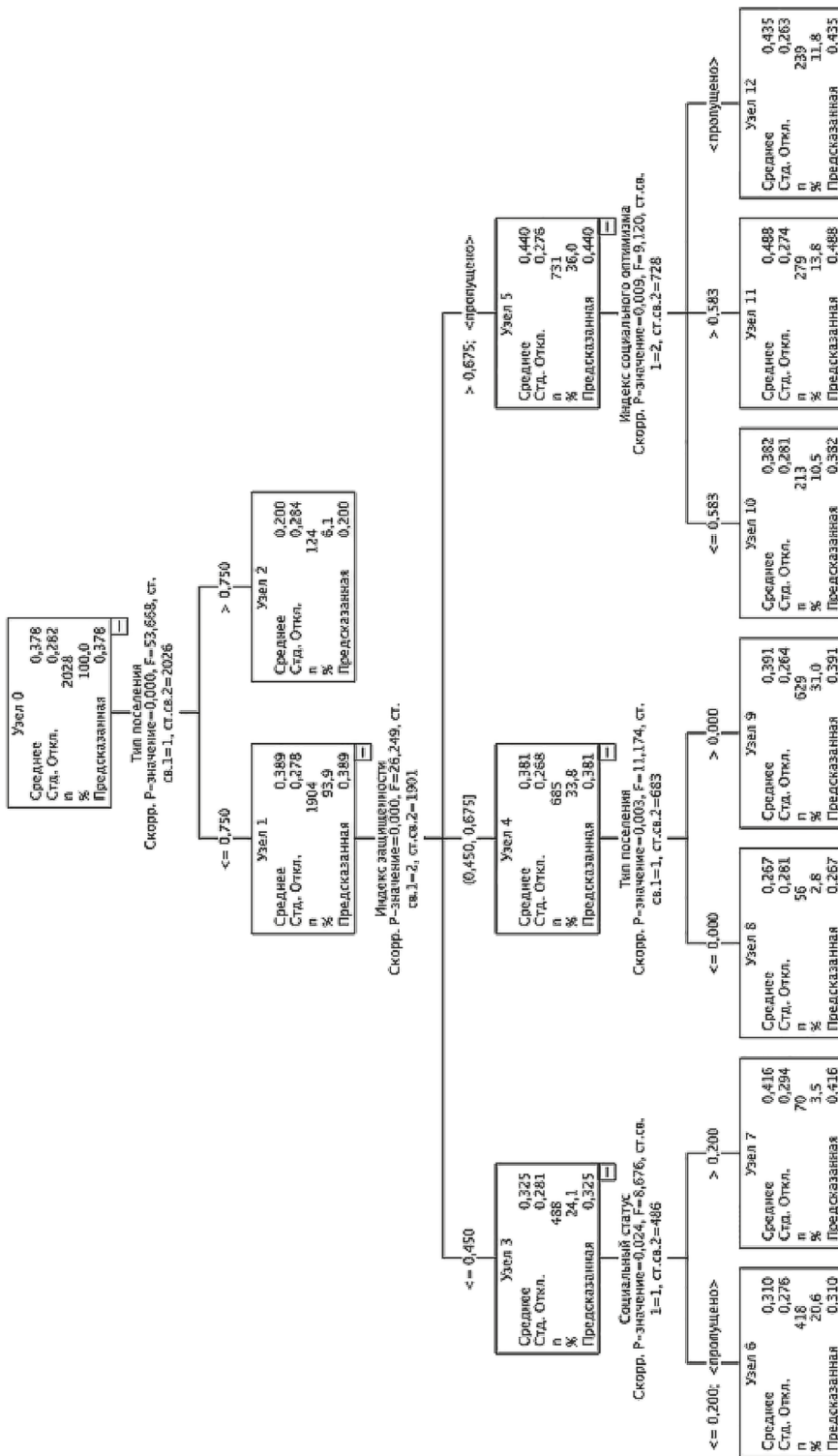

Рис. 3. Дерево объясняющей модели методом СНПД по данным СНПД по данным 2018 г., с отсечением узлов. Скорректировано по Бонферрони

Доверие к другим может быть результатом нравственной и культурной деятельности, тогда доверие будет сильно зависеть от индивидуальных характеристик, полученного образования, религиозных убеждений и пр. По нашим данным такой сильной вариативности не наблюдается. Можно больше доверять по общей социальной или религиозной принадлежности. Тогда общество, характеризующееся большим разнообразием в своем составе, продемонстрирует низкий уровень доверия и будет основываться, как правило, на знакомых отношениях. Общество с консолидированными институтами в отношении отклоняющегося поведения или общество, состоящее из обширных ассоциаций, будет чувствовать себя более заслуживающим доверия из-за его защиты или своих каналов участия. Какое общество сегодня формируется в России? Ответы на это вопрос не могут быть окончательными. Мы утверждаем, что в России постепенно формируется стремление к поддержке разнообразия. Молодые граждане менее доверчивы вообще, они же менее критичны к другим, в большей степени поддерживают отклоняющееся поведение и в меньшей степени нуждаются в защите.

Рациональные основания доверия (инкапсулированное доверие [16]), которое есть скорее доверие «постфактум», усиливаются, но ментальные основания доверия ослабевают. С утверждением, что люди могут выглядеть не так, как мы, могут иметь другую идеологию или религию, в России согласны немногие, но молодежь в значительно большей степени, чем все остальные. Мы верим, что нас объединяют общие ценности, следовательно, уже не так рискованно им верить. Кроме того, ментальным базисом для формирования обобщенного доверия является общность моральных норм, и такого доверия в России явно недостаточно. Указанные тенденции имеют особенную ценность в контексте продолжающихся дискуссий о возможностях консолидации российского общества на основе позитивной повестки, а не повестки «осажденной крепости».

Литература

1. Berggren Niclas, Bjørnskov Christian. The Market-Promoting and Market-Preserving Role of Social Trust in Reforms of Policies and Institutions // Southern Economic Journal. 2017. Vol. 28, N 1. P. 1–17.
2. Trust at Risk: Implications for EU Policies and Institutions / Report of the Expert Group. Trust at Risk? Foresight on the Medium-Term Implications for European. Research and Innovation Policies (Trust foresight) // Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2017. P. 196. URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/e512c11b-e922-11e6-ad7c-01aa75ed71a1> (дата обращения: 25.05.2018).
3. Trust. Corruption. Public integrity and trust in Europe / European Research Centre for Anti-Corruption and State-Building (ERCAS), Hertie School of Governance. Principal investigator: Prof. Alina Mungiu-Pippidi. Berlin, 2015. P. 55. URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2016/01/18/publicintegrity-and-trust-in-europe> (дата обращения: 25.05.2018).
4. Maximova S., Maximov M., Noyanzina O., Omelchenko D., Goncharova N., Morkovkina A. Relation between Civic Attitudes, Generalized and Institutional Trust in Six Regions of the Russian Federation // Journal of Management and Marketing Review. 2017. Vol. 2. Is. 1. P. 24–32.
5. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
6. Bauer P. C. Conceptualizing and Measuring Trust and Trustworthiness // In The Committee on Concepts and Methods. Bern, University of Bern, 2014. P. 1–27.
7. Yamagishi T. Trust: The Evolutionary Game of Mind and Society. Tokyo: Springer, 2011. 177 p.
8. Rosenberg Morris. Occupations and Values. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1957. P. 158.
9. Lewicki R. J., Stevenson M., Bunker B. B. The three components of interpersonal trust: instrument

development and differences across relationships // Working paper, College of Business, The Ohio State University: WPS, 1997.

10. *Tajfel H., Turner J. C.* The social identity theory of intergroup behavior // Austin W. G., Worchel S. *Psychology of Intergroup Relations* (2nd ed.). Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

11. *Van Lange Paul A. M.* Generalized Trust: Four Lessons From Genetics and Culture // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Vol. 24, is. 1. P. 71–76.

12. *Delhey J., Welzel Ch., Kenneth N.* How General Is Trust in «Most People»? Solving the Radius of Trust Problem // *American Sociological Review*. 2011. Vol. 76, is. 5. P. 786–807.

13. *Uslaner Eric M.* The Generalized Trust Question in the 2006 ANES Pilot Survey. Department of Government and Politics, University of Maryland, College Park, MD. Unpublished manuscript. 2007.

14. *Uslaner E. M.* The Moral Foundations of Trust. New York: Cambridge University Press, 2002.

15. *Hardin R.* Do We Want Trust in Government? // *Democracy and Trust*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 22–41.

16. *Bjørnskov Ch.* Social trust and fractionalization: A possible reinterpretation // *European Sociological Review*. Oxford. 2008. Vol. 24. P. 271–283.

17. *Helliwell J. F., Putnam R. D.* The Social Context of Well-Being // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. 2004. Vol. 359. P. 1435–1446.

18. *Inglehart R., Welzel Ch.* Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 344.

19. *Stolle D., Hooghe M.* The Roots of Social Capital: Attitudinal and Network Mechanisms in the Relation between Youth and Adult Indicators of Social Capital // *Acta Politica*. 2004. Vol. 39. P. 422–441.

20. *Cox J. C., Kerschbamer R., Neururer D.* What is trustworthiness and what drives it? // *Games and Economic Behavior*. 2016. Vol. 98. P. 197–218.

21. *Luhmann Niklas.* Trust and Power — Two works by Niklas Luhmann. Avon, Great Britain: John Wiley & Sons Ltd. Pitman Press, 1979. 228 p.

22. *Luhmann Niklas.* Risk: A Sociological Theory. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1993. 236 p.

23. *Sztompka Piotr.* Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 214 p.

24. *Sztompka Piotr.* Kapitał społeczny; teoria przestrzeni międzyludzkiej Wydawnictwo znak. Krakow, 2016. 350 p.

25. *Минина В. Н.* Организационное доверие как неосязаемый актив компании: проблема измерения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент*. 2012 (2). С. 107–130.

26. *Мерсиянова И. В.* Российское гражданское общество в региональном измерении // *Мониторинг общественного мнения*. № 4 (9е). Июль — август 2009. С. 26–44.

27. World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version / R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen [et al.] (eds). 2014 // *World Values Survey*. 2010–2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 25.05.2018).

28. *Omodei Mary M., Jim McLennan.* Conceptualizing and Measuring Global Interpersonal Mistrust-Trust // *The Journal of Social Psychology*. 2000. Vol. 140, is. 3. P. 279–294.

29. *Veselov Yu., Sinyutin M., Kapustkina E.* Trust, Morality, and Markets. Rethinking Economy and Society via the Russian Case. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2016. 152 p.

30. *Hu A.* Radius of trust: Gradient-based conceptualization and measurement // *Social Science Research*. 2017. N 68. P. 147–162.

31. *Веселов Ю. В., Липатов А. А.* Доверие в организации: методологические основания исследования в экономике, социологии и менеджменте // *Российский журнал менеджмента*. 2015. Т. 13, № 4. С. 85–104.

32. *Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф.* «Идентичность места» как критерий поддержки сетевых взаимодействий: теоретический анализ и эмпирические оценки // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10, № 6. С. 104–119. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.7.

33. *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World* / Hardback by Ronald F. Inglehart (University of Michigan, Ann Arbor). 2018. 288 p.

34. *Лапин Н. И., Беляева Л. А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). М.: ИФ РАН, 2010.

35. *Ромашкина Г. Ф.* Динамика и возможности развития социальных коммуникаций на уровне регионов России // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2017. Т. 3, № 1. С. 84–99. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-1-84-99.

36. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Издательство «Весь Мир». 2016. 360 с.

37. *Putnam Robert D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.

Статья поступила в редакцию 12 июня 2018 г.;
рекомендована в печать 7 сентября 2018 г.

Контактная информация:

Ромашкина Гульнара Фатыховна — д-р социол. наук, проф.; gr136@mail.ru

Давыденко Владимир Александрович — д-р социол. наук, проф.; vlad_davydenko@mail.ru

Ушакова Юлия Владимировна — аспирант; ushakovajuli@gmail.com

Generalized trust: Conceptualization and measurement*

G. F. Romashkina, V. A. Davydenko, Ju. V. Ushakova

Tyumen State University,

10, ul. Semakova, Tyumen, 625003, Russian Federation

For citation: Romashkina G. F., Davydenko V. A., Ushakova Ju. V. Generalized trust: Conceptualization and measurement. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, issue 4, pp. 464–486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406> (In Russian)

The work is aimed at identifying the relationship between the theoretical and empirical interpretations of generalized, general, interpersonal, encapsulated and reciprocal types of trust. The research presents the empirical data of the analysis of the concept of generalized trust based on the materials of the world value survey and the author's research in Tyumen region. The empirical data was connected with clarification of various interpretations of trust. The differences in the approaches come out from the contradictions that impede empirically unambiguous measurement, the accumulation of scientific knowledge, the distinction from other similar concepts in the social sciences. The approach proposed by the authors can serve as a starting point for the future research, helps to distinguish trust and reliability from other closely related concepts and systematize different concepts of trust. The possibilities of the analysis of "sufficient" trust and trust based on "common sense" are demonstrated. Generalized trust, calculated in the willingness to trust strangers and to rely on the help of friends, is a much more sustainable measure than just the answers to the "standard question of trust". The refined measurement of the generalized trust allows to increase the level of social security and can be included in the social capital measures, but still can not be reflected in the self-assessments of the status. The stability of feedbacks between generalized trust and social status at the micro level shapes the character of society, making it generally more reliable. It is possible to identify the strength of the "reverse interaction" on the basis of the test of the relation between generalized trust and an amendment to the norms of reciprocity with age, material and social status.

Keywords: socio-cultural, generalized, interpersonal, encapsulated, reciprocal trust, structural analysis.

* The study was sponsored by Russian Foundation for Basic Research. Project: "Capabilities and restrictions new industrialization and contradictions sociocultural Space: on Example Tyumen region", No. 16-03-00500. Tyumen State University.

References

1. Berggren N., Bjørnskov C. The Market-Promoting and Market-Preserving Role of Social Trust in Reforms of Policies and Institutions. *Southern Economic Journal*, 2017, vol. 28, is. 1, pp. 1–17.
2. Trust at Risk: Implications for EU Policies and Institutions. *Report of the Expert Group. Trust at Risk? Foresight on the Medium-Term Implications for European. Research and Innovation Policies (Trust foresight)*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2017, pp. 196. Available at: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/e512c11b-e922-11e6-ad7c-01aa75ed71a1> (accessed: 25.05.2018).
3. Trust. Corruption. Public integrity and trust in Europe. *European Research Centre for Anti-Corruption and State-Building (ERCAS), Hertie School of Governance*. Principal investigator: Prof. Alina Mungiu-Pippidi. Berlin, 2015, pp. 55. Available at: <https://www.government.nl/documents/reports/2016/01/18/public-integrity-and-trust-in-europe> (accessed: 25.05.2018).
4. Maximova S., Maximov M., Noyanzina O., Omelchenko D., Goncharova N., Morkovkina A. Relation between Civic Attitudes, Generalized and Institutional Trust in Six Regions of the Russian Federation. *Journal of Management and Marketing Review*, 2017, vol. 2, is. 1, pp. 24–32.
5. *Doverie i nedoverie v usloviakh razvitiia grazhdanskogo obshchestva [Trust and mistrust in the development of civil society]*. Eds A. B. Kupreichenko, I. V. Mersiianova. Moscow, Izdatel'skii dom NIU VShE, 2013. 564 p. (In Russian)
6. Bauer P. C. Conceptualizing and Measuring Trust and Trustworthiness. *The Committee on Concepts and Methods*. University of Bern, 2014, pp. 1–27.
7. Yamagishi T. *Trust: The Evolutionary Game of Mind and Society*. Tokyo, Springer, 2011. 177 p.
8. Rosenberg Morris. *Occupations and Values*. Glencoe, Illinois, The Free Press, 1957, pp. 158.
9. Lewicki R. J., Stevenson M., Bunker B. B. The three components of interpersonal trust: instrument development and differences across relationships. *Working paper*. College of Business, The Ohio State University, WPS, 1997.
10. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. Austin W. G., Worchel S. *Psychology of Intergroup Relations* (2nd ed.). Chicago, Nelson-Hall, 1986, pp. 7–24.
11. Van Lange Paul A. M. Generalized Trust: Four Lessons From Genetics and Culture. *Current Directions in Psychological Science*, 2015, vol. 24, is. 1, pp. 71–76.
12. Delhey J., Welzel Ch., Kenneth N. How General Is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*, 2011, vol. 76, is. 5, pp. 786–807.
13. Uslaner E. M. The Generalized Trust Question in the 2006 ANES Pilot Survey. *Department of Government and Politics, University of Maryland, College Park, MD*. Unpublished manuscript. 2007. Available at: <http://www.electionstudies.org/Library/papers/Pilot2006/nes011889.pdf> (accessed: 25.05.2018).
14. Uslaner E. M. *The Moral Foundation of Trust*. New York, Cambridge University Press, 2002, p. 312.
15. Hardin R. Do We Want Trust in Government? *Democracy and Trust*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, pp. 22–41.
16. Bjørnskov Ch. Social trust and fractionalization: A possible reinterpretation. *European Sociological Review*. Oxford, 2008, vol. 24, pp. 271–283.
17. Helliwell J. F., Putnam R. D. The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*, 2004, vol. 359, pp. 1435–1446.
18. Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. New York, Cambridge University Press, 2005, pp. 344.
19. Stolle D., Hooghe M. The Roots of Social Capital: Attitudinal and Network Mechanisms in the Relation between Youth and Adult Indicators of Social Capital. *Acta Politica*, 2004, vol. 39, pp. 422–441.
20. Cox J. C., Kerschbamer R., Neururer D. What is trust worthiness and what drives it? *Games and Economic Behavior*, 2016, vol. 98, pp. 197–218.
21. Luhmann N. *Trust and Power — Two works by Niklas Luhmann*. Avon, Great Britain, John Wiley & Sons Ltd. Pitman Press, 1979. 228 p.
22. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 1993. 236 p.
23. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 214 p.
24. Sztompka P. *Kapital społeczny. Teoria przestrzeni międzyludzkiej*. Wydawnictwo: znak [Social capital: theory of interpersonal space]. Krakow, 2016. 350 p.
25. Minina V. N. Organizatsionnoe doverie kak neosiazemyi aktiv kompanii: problema izmereniia [Organizational credibility as an intangible asset of the company: the problem of measurement]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series Management*, 2012, no. 2, pp. 107–130. (In Russian)
26. Mersiianova I. V. Rossiiskoe grazhdanskoe obshchestvo v regional'nom izmerenii [Russian Civil So-

ciety in the Regional Dimension]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia* [Monitoring of Public Opinion], 2009, July — August, no. 4 (9e), pp. 26–44. (In Russian)

27. World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version. Eds R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin, B. Puranen et al. 2014. *World Values Survey. 2010–2014*. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentation-WV6.jsp> (accessed: 25.05.2018).

28. Omodei Mary M., Jim McLennan. Conceptualizing and Measuring Global Interpersonal Mistrust-Trust. *The Journal of Social Psychology*, 2000, vol. 140, is. 3, pp. 279–294.

29. Veselov Yu., Sinyutin M., Kapustkina E. Trust, Morality, and Markets. *Rethinking Economy and Society via the Russian Case*. Frankfurt am Main, Peter Lang GmbH, 2016. 152 p.

30. Hu A. Radius of trust: Gradient-based conceptualization and measurement. *Social Science Research*, 2017, no. 68, pp. 147–162.

31. Veselov Yu. V., Lipatov A. A. Doverie v organizatsii: metodologicheskie osnovaniia issledovaniia v ekonomike, sotsiologii i menedzhmente [Trust in organization: methodological bases of research in economics, sociology and management]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta* [Russian Journal of Management], 2015, vol. 13, no. 4, pp. 85–104. (In Russian)

32. Davydenko V. A., Romashkina G. F. «Identichnost' mesta» kak kriterii podderzhki setevykh vzaimodeistvii: teoreticheskii analiz i empiricheskie otsenki [“Place identity” as a criterion for supporting network interactions: theoretical analysis and empirical estimates]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, vol. 10, no. 6, pp. 104–119. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.7. (In Russian)

33. *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Hardback by Ronald F. Inglehart (University of Michigan, Ann Arbor). 2018. 288 p.

34. Lapin N. I., Beliaeva L. A. *Programma i tipovoi instrumentarii «Sotsiokul'turnyi portret regiona Rossii» (Modifikatsiia — 2010)* [Program and the typical tools of “socio-cultural portrait of the region” (Modification — 2010)]. Moscow, IF RAN Publ., 2010. (In Russian)

35. Romashkina G. F. Dinamika i vozmozhnosti razvitiia sotsial'nykh kommunikatsii na urovne regionov Rossii [Trends and Opportunities for the Development of Social Communications at the Russian Regions Level]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research], 2017, vol. 3, no. 1, pp. 84–99. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-1-84-99. (In Russian)

36. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy* [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and sociocultural trends and problems]. Comp. and ed. by chlen-korr. RAN N. I. Lapin. Moscow, Ves' Mir Publ., 2016. 360 p.

37. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Simon & Schuster Publ., 2000.

Received: June 12, 2018

Accepted: September 7, 2018

Author's information:

Gulnara F. Romashkina — Dr. Sci. in Sociology, Professor; gr136@mail.ru

Vladimir A. Davydenko — Dr. Sci. in Sociology, Professor; vlad_davydenko@mail.ru

Julia V. Ushakova — Postgraduate Student; ushakovajuli@gmail.com

Приложение

Привлекаются результаты социокультурного мониторинга (2016–2018 гг.) в Тюменской области. Выборки квотные репрезентативные по территории и половозрастной структуре, со случайным отбором внутри групп с контролем по уровню образования респондента.

Параметры построения дерева объясняющей модели CHID

Целевая переменная:

Обобщенное доверие с учетом норм взаимности (индекс обобщенного доверия — 2) вычислен как логическое произведение переменных, полученных по вопросам А и В.

Обобщенное доверие, или доверие к незнакомым людям:

А. Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает? — по шкале от 0 (излишняя осторожность не помешает) до 1 (большинству людей можно доверять), 11 градаций.

В. Есть ли у Вас друг или подруга, на чью помощь вы можете рассчитывать в трудную минуту? Варианты ответов были пересчитаны по шкале: 0 — нет таких друзей, 0,33 — пожалуй, нет, 0,67 — пожалуй, да, 1 — да, есть такой друг/подруга.

Предикторы:

- 1. Пол респондента.** 0: мужчина; 1: женщина.
- 2. Группы по возрасту** (полных лет). 0: 18–24, 0,2: 25–34, 0,4: 35–44, 0,6: 45–54, 0,8: 55–64, 1: > 64.
- 3. Образование:** *Ваше образование.* От 0 до 1, порядковая шкала: среднее; высшее.
Тип поселения. 0: деревня, село; 0,25: поселок городского типа; 0,5: малый город; 0,75: средний город; 1: крупный город.
- 4. Самооценка состояния здоровья:** *Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?* 0: инвалид; 0,25: имею хроническое заболевание; 0,5: часто болею; 0,75: временами болею; 1: нормальное здоровье, пока не жалуясь.
- 5. Тип поселения:** 0: деревня, село; 0,25: поселок городского типа; 0,5: малый город; 0,75: средний город; 1: крупный город.
- 6. Социальный статус:** *Имеете ли Вы на основной работе подчиненных?* Шкала ответов: 0: нет, не имею; 0,25: менее 5 человек; 0,5: 5–10 человек, 0,75: 11–50 человек, 1: более 50 человек.
- 7. Материальное положение:** *Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует сегодня материальное положение Ваше, Вашей семьи?* Шкала ответов: 0: денег не хватает на повседневные затраты; 0,2: на повседневные затраты уходит вся зарплата; 0,4: на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна; 0,6: в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг; 0,8: почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи; 1: практически ни в чем себе не отказываем.
- 8. Удовлетворенность жизнью:** *Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?* 0: совсем не удовлетворены; 0,25: не очень удовлетворены; 0,5: затрудняюсь сказать точно; 0,75: скорее удовлетворены; 1: полностью удовлетворены.
- 9. Индекс защищенности:** *Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?* Средняя уровня защищенности от десяти наиболее актуальных проблем-опасностей: 1) От экологической угрозы. 2) От притеснений из-за Вашего возраста или пола. 3) От произвола чиновников. 4) От ущемления из-за Вашей

национальности. 5) От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений. 6) От произвола правоохранительных органов. 7) От преследований за политические убеждения. 8) От бедности. 9) От одиночества и заброшенности. 10) От преступности. Для каждого из подвопросов шкала ответов: 0: совсем не защищен; 0,25: пожалуй, не защищен; 0,5: трудно сказать; 0,75: пожалуй, защищен; 1: защищен.

10. Социальный оптимизм: Средняя арифметическая от трех компонентов:

- 1) *Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?* 0: скорее не уверены, чем уверены; 0,333: не могу сказать точно; 0,667: скорее уверены, чем нет; 1: вполне уверены.
- 2) *Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?* 0: стали жить намного хуже; 0,25: стали жить несколько хуже; 0,5: ничего не изменилось; 0,75: стали жить несколько лучше; 1: стали жить намного лучше.
- 3) *Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?* 0: будем жить значительно хуже; 0,25: будем жить несколько хуже; 0,5: ничего не изменится; 0,75: будем жить несколько лучше; 1: будем жить значительно лучше.

Более подробное описание методики опроса можно найти в [34–36].